

ВЕНЕЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Паола Ланаро

ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII СТОЛЕТИЯ*

“Умение жить рядом с Другим, не говоря уже о получении удовольствия от такой жизни или извлечении пользы из нее, возникает не само по себе, а приобретается с трудом. Этот навык является своего рода искусством, которое, как и любое искусство, требует изучения и упражнения. Напротив, неспособность примириться с досадным многообразием человеческих существ и с неоднозначностью всех попыток их классификации, возникает и усиливается сама по себе. Чем сильнее становится потребность в однородности и чем настойчивее осуществляются попытки устранить всякие различия, тем труднее чувствовать себя как дома при столкновении с чужими, тем более угрожающим кажется само различие, глубже и интенсивнее тревога, которую оно вызывает [...]. Желание скрыться от воздействия полифонии города и найти убежище в единообразии, монотонности и привычности уклада сообществ является настолько же саморазрушительным, насколько самовоспроизводящимся”¹.

Эти слова Зигмунда Баумана^{*1}, похоже, исчерпывающе описывают то, как принимали и\или отторгали чужих во многих городах Европы Старого порядка, в особенности в таком городе, как Венеция, испытавшей за свою долгую историю всю сложность и

---

* Паола Ланаро – доктор, одинарный профессор университета Ка’Фоскари, Венеция. Ее статья “Essere stranieri in una città di stranieri, Venezia, secoli XIV–XVIII” опубликована в 2014 г. в сборнике “Lo spazio narrabile” (Macerata, Quodlibet), подготовленном коллегами в честь Донателлы Канаби (Donatella Canabi). Статья в русском переводе публикуется с разрешения автора.

¹ Зигмунд Бауман (р. 1925) – крупный социолог, политический философ, в 1971 г. эмигрировал из Польши, с тех пор его деятельность связана с Университетом г. Лидс (Великобритания). Всемирную известность получили его работы по проблемам социальных отношений, развития общества, глобализации и постмодернизма. (*примеч. пер.*)

противоречивость проблем, связанных как с открытостью общества по отношению к иностранцам, так и с их неприятием.

Исследователи часто обращаются к этой теме, а с учетом многонационального характера современного общества становится очевидным, что комплекс подобных проблем по-прежнему вызывает интерес и стимулирует появление новых подходов, которые фокусируются то на истории институтов, то на связанных с культурой, политикой и экономикой аспектах, то на социальных и пространственных особенностях городов.

В частности, недавние исследования опровергли традиционный тезис о статичности населения эпохи Старого порядка. В них подчеркивалось, что уровень мобильности, как географической, так и профессиональной, был чрезвычайно высок, гипотетически даже выше того, что мы наблюдаем сегодня². При этом не следует забывать об активной сезонной мобильности, даже если она останется в этой работе за рамками моих размышлений. Именно эта новая объяснительная гипотеза стимулировала многих исследователей на изучение проблем иноземцев (приезжих, мигрантов) с самых разных точек зрения.

Если раньше, на протяжении длительного периода, венецианские исследования, в том числе и работы Донателлы^{*2}, были посвящены, в основном городскому пространству, например, гетто и другим районам или зданиям, связанным с товарообменом, – таким, как торговые дворы “фондако” немецких и турецких купцов³, – то в последние годы, похоже, больше внимания уделяется динамике культурного обмена и институциональным процессам, оказавшим влияние на городской контекст (что позволяет использовать значительный массив документов).

Донателла совместно с европейскими учеными Дерексом Кином, Ст. Турк-Кристенсен, Джеймсом Эмелангом⁴ инициировала проект по изучению городов (и в особенности мегаполисов – центров мобильности населения на большие расстояния) и культурного обмена в Европе. Акцент, в том числе для Венеции, был перенесен с изучения места как пространства (локуса) на анализ места, представляющего собой пространственную среду, благоприятную для циркуляции информации и образования сетей, в ко-

---

^{*2} Донателла Калаби – известный историк архитектуры, начала печататься в 1968 г., внесла большой вклад в формирование и развитие таких направлений, как история урбанистики и история городов. Стояла у истоков основания Европейской Ассоциации исследователей истории городов (European Association for Urban History) (*примеч. пер.*)

торых вызревают новые процессы и новые экономические структуры.

В то же время в Венеции, которая по существу воспринималась как город, населенный иноземцами, все сильнее чувствовалась необходимость четко определить, кто же они такие. Неопределенность понятия, обусловленная неопределенностью самого института, мешала методологически правильно очертить контуры реального статуса иноземца и его собственного ощущения своей чуждости, в частности в Венеции городе иноземцев. В относительно недавних исследованиях Анны Беллавитис⁵ и Андреа Дзаннини⁶ концепция гражданства была рассмотрена наиболее тщательно, что позволило выявить и конкретизировать детали в тенденции к институциональному единообразию. Эта тенденция выявляется применительно к Венеции благодаря новым документам, рассмотрение которых открывает новые перспективы для исследований. В этой связи представляется более плодотворным поразмышлять на тему притяжения или неприятия иноземцев, опираясь на более глубокий анализ повседневных практик экономического характера, осуществлявшихся местным населением и приезжими. Они пока мало изучены, если, конечно, не считать купечества, которое давно является предметом исследования как итальянских, так и зарубежных ученых.

Как мне представляется, именно институциональный аспект, *наиболее тщательно проанализированный* сегодня, ясно показывает, что Венеция на “инклюзивном”³ этапе развития (по Дарону Аджемоглу и Джеймсу Робинсону⁷) позиционировала себя как город, открытый для приема и интеграции иностранцев, а на “экстрактивном” этапе, на фоне замедления экономического роста и сокращения сферы господства и доминирования старалась избежать социального многообразия. Как пишет Бауман, неприятие различий становится таким образом для города консолидирующим фактором, провоцирующим нарастающий страх от присутствия чужих “перед своими воротами”.

³ Работа D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty” (2012 г.), получила широкое распространение и вызвала большой интерес. Авторы утверждают, что экономический успех общества зависит от типа политических институтов. Последние следует разделять на “экстрактивные”, при которых небольшие группы людей стараются эксплуатировать остальную часть населения страны, и “инклюзивные” институты, благодаря которым большое количество людей вовлечено в процесс правления, при этом эксплуатация значительно ослаблена или вовсе отсутствует (примеч. пер.)

Многие авторы уже отмечали, что противопоставление между “граждан” и “иноземцев”, устанавливаемое нормативными документами, изменялась во времени, то есть, вряд ли оно отражало в европейских и в итальянских городах одну и ту же идентичность, одни и те же характеристики. И это касается как Средневековья, так и Нового времени⁸. В этом смысле мы не можем применять к предшествующим эпохам такое же понятие “иностранец”, которое установилось с возникновением национального государства⁹. В иерархическом обществе Старого порядка, состоявшем из сословий, существовали разные градации определения “чужой”, связанные не только с понятием гражданства.

В частности, в период превращения из городагосударства в столицу государства с колониями на восточных берегах Адриатики и владениями на материке Венеция оказалась в центре активных миграционных процессов уже в XIII–XIV вв. Этому способствовало и то, что она находилась в центре товарообмена между Востоком и Западом¹⁰. Поэтому не удивляет известное наблюдение Филиппа де Коммина, французского посла в Венеции, описавшего город, который он посетил в 90-е годы XV в., и отметившего, что большинство его жителей иностранцы¹¹. Еще более точно определен состав населения в столь же известном наблюдении Джероламо Приули, который пишет, что управление Венецией находится в руках узкого круга знати и немногочисленных граждан, в то время как все прочие иностранцы или приезжие, а венецианцев немного¹².

Относительно замечания об узком круге знати: учреждение “Золотых книг дворянства” в начале XVI в.¹³ свидетельствует о том, что элита стремилась избегать мезальянсов, диктуя ограничительные нормы в отношении “брака и выбора женщины”. Эти матримониальные ограничения стали тем “узким местом”, в котором, как объясняет Мэри Дуглас¹⁴, опасение смешения крови нашло свое конкретное воплощение. На самом деле, это является доказательством того, что общество становилось более закрытым, и подобная тенденция, предположительно, распространилась на всю его культуру, сказавшись на экономической политике и, как следствие, на отношении к приезжим.

С институциональной точки зрения динамика понятия “гражданство” точно отражала тенденции в венецианской экономике.

Первый закон о статусе гражданина восходит, вероятно, к 1305 г. Нам известно, однако, что принятие гражданства, которое могло уравнивать иностранца в правах с венецианцами, на самом деле было востребовано лишь ограниченными категориями им-

мигрантов. Это позволяет предположить, что у многих просто не было необходимости его запрашивать.

Этим законом более жестко, чем прежде, регламентировался порядок получения гражданства: статус гражданина *de intus* (*внутреннего*) можно было получить после 15 лет проживания в городе и уплаты соответствующих налогов, а статус *de intus et extra* (*внутренний и внешний*) – после 25 лет, что значительно превышало сроки, установленные другими морскими республиками. В Генуе для признания гражданства было достаточно трех лет. Первая форма гражданства предоставляла возможность вести торговлю в пределах венецианского государства, но не в колониях, вторая возможность вести торговлю по всему миру¹⁵. Уже на этом этапе, как подчеркивает Фредерик Лейн, после принятия закона 1297 г. о наследовании членства в Большом совете, правящий класс стал проводить протекционистскую, почти дискриминационную, политику в отношении права вести широкую торговлю основного источника богатства элиты¹⁶. Торговля между Востоком и Западом должна была оставаться исключительным правом узкого круга знати и отдельных могущественных семейств горожан.

Однако демографическая ситуация достаточно быстро подтолкнула к принятию новых законов. После эпидемии чумы для того, чтобы восстановить все профессиональные и социальные слои населения и возродить городскую экономику, рухнувшую в результате демографического коллапса, сроки получения гражданства были сокращены до двух лет – для приобретения гражданства низшего уровня и до десяти лет – для высшего. Не следует забывать, что миграционные процессы способствовали импорту новых “технологий” и распространению новых производств. И зачастую сами власти стимулировали эти процессы путем предоставления привилегий разного характера. Упомянутые выше меры носили краткосрочный характер, поскольку с приобретением владений на материке число иммигрантов из этих районов постоянно росло, а формально Венеция признала за ними право гражданства низшего уровня уже в договорах о присоединении территорий. Мы не знаем, это ли признание или возможность найти в столице одном из крупнейших торговых городов того времени более выгодную работу и более высокие заработки толкали подданных, проживавших в деревнях и городах, переезжать в Венецию. Мы склоняемся ко второй причине, потому что, как представляется, многие из вновь прибывших шли работать скорее в ремесленники или в службу, чем в торговлю. Какоелибо регулирование потоков миграции отсутствовало, но известно, что демографический

баланс в Новое время был, как правило, пассивным, и каждый город “подпитывался” людьми из своей маленькой “империи”, из прилегающих сельских коммун, в случае Венеции из принадлежавших ей земель.

Эпидемии чумы периодически более или менее значительно сокращали население, и власти были кровно заинтересованы в восстановлении численности городов, подвергавшихся таким демографическим потрясениям, а также в поддержании экономики, которая в те времена зависела именно от человеческих ресурсов. В общем, политика привилегий городских властей была нацелена на стимулирование иммиграции. В качестве исключительной меры может рассматриваться учрежденное в 1509 г. гетто, задуманное как инструмент сдерживания/ограничения этнического разнообразия, для ограничения рождаемости. Но я бы не хотела здесь касаться вопроса о евреях, так как он заведет нас слишком далеко.

Что касается гражданства, то нет никаких количественных показателей, которые помогли бы нам понять, насколько эти иммигранты-подданные были заинтересованы в его приобретении. Хотя можно предположить, что в низших социальных слоях интерес был почти ничтожным¹⁷. Несмотря на стандартизацию процедур, проблема статуса не затрагивала основную массу иммигрантов, двигавшихся из владений на материке в столицу, и пребывание в качестве иностранца в городе иностранцев, похоже, не создавало каких-либо неудобств. Кроме того, многие окружали себя родственными связями, ограничиваясь кругом общения, определенным общим происхождением (выходцы из Брешии, Падуи, Виченцы и других городов). Это способствовало возникновению очень прочных социальных связей, которые укреплялись путем организации “школ” (т.е. гильдий), “наций”¹⁸, сообществ. И даже хотя таких примеров немного корпораций, некоторые из них в качестве исключения объединяли только иностранцев. Кроме того, родственные связи способствовали концентрированному проживанию в определенных районах и кварталах города, например, немцы селились в Каннареджо¹⁹.

Именно вследствие этого возникла необходимость более четко определить, кто является гражданином. Для этого было введено понятие урожденного гражданина: такими считались лица, родившиеся в Венеции в законном браке, предки которых жили в городе в течение трех поколений, причем не занимались “подлыми” ремеслами. Цель введения подобного статуса урожденного гражданина состояла в том, чтобы рядом со знатью, которой яв-

лялись настоящие венецианцы с полным гражданством, создать отобранную группу людей для выполнения определенных функций в правительственных учреждениях²⁰.

Вакуум, возникший после эпидемии чумы 1348 г., и необходимость возродить экономику города способствовали формированию стратегии открытости в отношении ремесленников, которые принесли в Венецию новые техники обработки материалов. Как это часто происходило в те времена, уроженцы Лукки привезли и развили производство шелка²¹, уроженцы области Фриули были лучшими в изготовлении стекла и зеркал²². Производством шерсти занимались выходцы из разных краев, в первую очередь из Ломбардии (особенно из Милана и Монцы), а также в меньшей степени – из Эмилии и с Балкан²³. В те же годы и по той же причине аналогичные процессы происходили и в других городах полуострова, но возможность получить доступ к рынкам Ближнего Востока способствовала концентрации иммигрантов именно в Венеции. Не будем забывать, что в тот же период даже в Арсенале работали приезжие из других стран, например, далматинские греки, и, стало быть, привлекаемая рабочая сила конопатчики, плотники, строители галер была в высшей степени разнообразной по этническому составу²⁴.

Здесь нельзя не отметить, что, в отличие от других европейских городов, таких, как Амстердам, в Венеции корпорации были открыты для всех. То есть, членами корпорации могли стать не только граждане. Кроме того, в Венеции весьма удивительный факт можно было учреждать корпорации, состоящие из одних иноземцев. Так, в 1383 г. Совет десяти утвердил создание корпорации немецких кожемяк. Двумя веками позже объединились в корпорацию немецкие мастера, производившие сусальное золото для декоративных целей.

Можно предположить, что постепенно ремесленники-иммигранты стали доминировать на рынке квалифицированной рабочей силы, которая составляла основу регулируемого рынка труда, оставив венецианцам менее квалифицированные отрасли – такие, как работы по ведению домашнего хозяйства²⁵. Иностранцы находили в Венеции атмосферу открытости, обусловленную тем, что власти осознавали важность привлечения иммигрантов для возрождения городской экономики после эпидемий, что подтверждается и предоставляемыми налоговыми привилегиями. Превращение Венеции в крупный промышленный город в XVI в. (таково мнение Ф. Броделя) является, в частности, результатом политики открытости²⁶.

Более того, в 1522 г. и позже, в 1576 г., была введена обязанность принимать в корпорации иностранцев и жителей провинций без какихлибо испытаний, что означало явную дискриминацию жителей Венеции. Исключение составили несколько корпораций, игравших особую роль в городе, – такие, как производители зеркал, конопатчики, мастера по изготовлению четок²⁷. Это вызвало глубокое недовольство в городе, беспорядки и протесты, что вынудило Сенат в тридцатых годах следующего века вернуться к этому вопросу и еще раз подтвердить принятые ранее распоряжения. Более того, иностранцам было позволено вступать в несколько корпораций одновременно, причем действие этих норм в отношении коренных венецианцев было приостановлено. Знаменательно, что чиновники Инспекции по надзору за соблюдением уставов (*Savi sopra le mariegole*) активизировали свою деятельность в 1577 и 1631 гг., на которые пришлась пандемия, стало быть обострение демографической ситуации повлияло на интенсивность проверок. При этом нельзя исключать, что членство в корпорациях было еще и средством контроля за большими массами иммигрантов, которые в противном случае могли бы представлять постоянную угрозу для общественного порядка. Культура того времени по всей Европе способствовала профессиональной мобильности, при этом практиковалась еженедельная сдельная оплата рабочих (как в случае с Арсеналом, так и с некоторыми корпорациями, например, производителей шерсти и шелка). Поэтому мы можем предположить, что именно цехи выполняли функцию контроля за мобильностью.

И если органы государственной власти и, следовательно, элита, демонстрировали открытость к приему иноземцев, то остается не вполне ясным, как к этому относилось общество в целом. На самом деле реакцией на упомянутые распоряжения были проявления нетерпимости к иммигрантам, вынуждавшие власть принимать меры, которые, похоже, не решали проблему. Венецианцы негативно относились к подобной конкуренции на рынке труда, особенно квалифицированного, в период, когда предложение превышало спрос. Беспорядки и явные ксенофобские настроения получили заметное распространение в эти и последующие годы, что подтверждается источниками. Симптомом определенной нетерпимости в отношении иммигрантов явилось то обстоятельство, что в 1578 г. Сенату пришлось принимать меры против актов насилия в отношении бедняков из Бергамо, а также жителей материковых владений, прибывших в Венецию в поисках цеховой работы, – их оскорбляли и избивали с целью изгнать из города²⁸.

При этом Венеция пользовалась славой полиэтничного и мультирелигиозного центра, в котором царил социальный мир (эпитет *Serenissima* означает не только “светлейшая”, но и “спокойнейшая” в соответствии с мифом, для укоренения которого, вероятно, была проведена определенная работа по коррекции коллективной памяти), как минимум в течение большей части XVI в. Именно в этом веке в связи с ужесточением социальных границ (мы уже отмечали замкнутость элиты), начинают проявляться, пусть и противоречивым образом, первые признаки дискриминации. В 1537 г. Совет Десяти удовлетворяет жалобу венецианских мастеров по производству сусального золота на усилившуюся монополизацию ремесла иностранцами, в частности, флорентийцами, и принимает решение о том, что только граждане Венеции по происхождению или по привилегии могут быть членами этого цеха. Приблизительно в то же время, в 1543 г., после более чем вековой тяжбы венецианским булочникам удается добиться закрытия “школы” немецких пекарей²⁹ (под школой в данном случае понимается сообщество, поскольку государством были признаны только особые немецкие цехи кожевенников и производителей сусального золота). Немцы составляли очень большую долю среди городских хлебопеков. Это этнически сплоченное сообщество способствовало организации работников, которые выдвигали все более жесткие требования к хозяевам пекарен венецианским “капиталистам”, что было расценено как угроза венецианской монополии в руководстве цехом. В этом смысле политика цеха была направлена на сохранение руководства профессией за крупными венецианскими торговцами, но не против простых ремесленников, поэтому неудивительно, что указанные протекционистские меры были одобрены Сенатом. На самом деле роль торговцев-капиталистов в экономике Венеции, особенно в некоторых отраслях, являлась значительной, что весьма усложняло общую картину в плане выработки и принятия решений социально-политического характера. Констатируя явную зависимость между политикой открытости к приему иностранцам и положительной или отрицательной экономической конъюнктурой, необходимо учитывать, что на эту динамику зачастую оказывали влияние интересы тех торговцев, которые доминировали в определенных структурах и отраслях производства. Торговцы-капиталисты регулировали приток специализированной и неспециализированной рабочей силы, обеспечивали приезжих жильем и всем необходимым для пребывания, в некоторых случаях добивались от властей привилегий, которые могли выражаться даже в освобождении от членства в корпорациях.

В течение следующего века, отмеченного нарастающим экономическим кризисом, все чаще возникали противоречия, имевшие место и в предыдущие десятилетия. Отрицательная конъюнктура подталкивала работников к формам самозащиты, приобретавшим иногда дискриминационную окраску. Руководство же, движимое лишь беспокойством о демографических провалах и желанием оживить производство, колебалось между намерением отменить привилегии старых корпораций, которые давали преимущество гражданам Венеции, и принятием новых протекционистских мер. Символичным в этом смысле является пример Арсенала, в отношении которого в течение XVII в. Сенат принял меры, ущемляющие права иностранцев³⁰.

В ходе происходящей переоценки роли корпораций в экономике того времени неоднократно подчеркивалась их открытость в отношении иностранцев: эти институты стимулировали иммиграцию в целях получения технических новшеств (подобные подходы характерны для всех европейских городов той эпохи). При этом в случае Венеции мы наблюдаем динамику, которая в отдельные моменты противоречит такой интерпретации³¹.

Достаточно упомянуть историю фламандца Йохана Сторма³², который в 1670 г. подает в Сенат прошение разрешить ему изготавливать фламандское полотно из болонской пеньки для парусов как галер, так и крупных и малых судов. В том же прошении он заявляет о намерении пригласить в Венецию мастеров из Фландрии “с инструментами”. Он просит записать мастеров и рабочих в “школу” (т.е. гильдию) ткачей, производящих бумазею. Сторм получает разрешение на начало работ, но довольно быстро властям поступает протест от цеха. В нем подчеркивается, что предложенное Стормом нововведение, несомненно, разорит членов корпорации, а принятие в цех старшего мастера и рабочих, специально привезенных из Фландрии, противоречит законам государства. Здесь уже чувствуется стремление к закрытости цехов в отношении технических новшеств, которые в прошлом именно в Венеции стали основой экономического роста, а также к закрытости в отношении иностранцев, прибытие которых в город лишило бы членов цеха “возможности производить указанные изделия”, приведя к нарушению распределения сил внутри самой корпорации. Однако вслед за цехом ткачей бумазеи, занявших жесткую позицию, более гибко выступил “многонациональный” цех ткачей полотна. Чтобы избежать тяжбы, он предложил Сторму вступить в их организацию. Это давало цеху возможность использовать технические приемы и наработки фламандца, запустив таким образом процесс

обновления производства. Все это вынуждает Сенат подать еще одно прошение на получение привилегии, в котором он берет на себя обязательства по отношению к цеху бумажейных мастеров. В конце концов он получает одобрение Сената, идущее вразрез с политикой протекционизма. Однако в связи с фискальным интересом государства Сенат счел, что это нововведение следует принять и с самого начала его поощрить. Под лозунгом “общего блага” Сенат занял позицию против все более частых проявлений дискриминационной стратегии цехов и выдавал разрешения на осуществление предпринимательской деятельности многим иноземцам, которые прибывали в Венецию, привозя с собой специалистов-техников.

Тенденция к дискриминации проявляется, пусть и противоречивым образом, в сер. XVII в., становясь все более частым явлением на рубеже веков. При этом она затрагивает даже менее квалифицированные виды работ. Пример выходцев из швейцарского кантона Граубюнден позволяет проследить эту динамику и проясняет картину отношений между иностранцами и рынком цехового труда в годы, когда венецианская экономика начинает утрачивать лидерские позиции.

В XVII в. в цехе мясников господствовали швейцарские католики и протестанты. Внутри цеха швейцарцы могли занимать любые позиции, от самой низкой работника, до самой высокой хозяина лавки, хотя в реальности на старте у венецианцев было более выигрышное положение. В 60-е гг. XVIII в. положение дел меняется в свете начавшейся в венецианских правительственных кругах дискуссии о возможности национализации корпораций, связанных со снабжением и потреблением продуктов питания. Корни этого кроются в политическом конфликте, связанном с расторжением в нач. XVIII в. пакта с Республикой трех лиг (Восточной Швейцарией). После обвинения в заговоре и создании внутренней мафии, которая угрожала руководству цеха и работе венецианцев хозяев лавок, Сенат в 1764 г. реформирует корпорацию и оставляет право на занятие этим ремеслом только за урожденными венецианцами или лицами, получившими гражданство³³.

После реформы, проведенной Паоло Кверини^{*4}, корпорации, связанные с производством продуктов питания и отличавшиеся низким техническим и профессиональным уровнем, были закрыты

---

^{*4} Paolo Querini – представитель одной из самых влиятельных семей венецианских патрициев, занимал ряд высоких должностей в государственных органах. Во второй половине XVIII в. пытался реформировать систему корпораций с тем, чтобы оживить рынок труда, замедлить процесс общего упадка Республики (*примеч. пер.*)

для иностранцев, – таким образом местная рабочая сила получила преимущество. Вероятно, целью подобных шагов было обеспечение работой населения Венеции, молодых людей из низших слоев с тем, чтобы отвлечь их от безделья и приучить к рабочей дисциплине, благодаря чему они смогли бы сами себя обеспечивать³⁴.

В десятилетия, на которые пришлось реформы XVIII в., Верховный трибунал, балансируя между потребностью в обновлении и осторожностью выбора, в целях поддержания социальной стабильности предлагает отделить обрабатывающие ремесла от ремесел, связанных со снабжением продовольствием, и полностью закрыть последние для не-венецианцев. Кризис и распад городской экономики вызывает у правящего класса реакцию нетерпимости к иностранцам и подталкивает его к проведению протекционистской политики в пользу населения Венеции, которому дается исключительное право практиковать ремесла, не требовавшие высокой технической специализации, прежде всего обслуживание путешественников, получившее в то время заметное развитие³⁵.

Как нам кажется, приведенные выше примеры ясно показывают, что в городе уже давно возникла атмосфера недоверия к иностранцам. Даже цехи, занимавшиеся специализированной работой, несмотря на решения верхов, стали постепенно проводить политику социальной закрытости, которая со временем привела к замедлению технического развития и отставанию экономики, превратив город в центр потребления, защищенный протекционистскими мерами.

В представленной работе данный вопрос был рассмотрен с точки зрения прочной связи цехов и цехового труда. Но можно предположить, что тенденция к закрытости самой венецианской элиты получила распространение во всем обществе сверху донизу, стимулируя постепенное увеличение привилегий для граждан Венеции. С другой стороны, именно изучение меньшинств, а также реакции общества на их формирование, способствует пониманию экономической истории города. Потому что роль меньшинств вообще и роль мигрантов, в частности, стала пробным камнем для выявления политических, экономических и социальных характеристик акторов.

Несколько лет назад я имела удовольствие брать интервью у Джованни Леви в рамках конференции, посвященной 25-летию выхода в свет его книги “Нематериальное наследие”. Он тогда сказал: “Именно меньшинство на самом деле диктует историю, потому что уважение к меньшинству является определяющим для демократических обществ, в то время как большинство господствует в истории, но часто с негативным результатом”³⁶.

пер. с итал. Н.Г. Тереховой

- ¹ *Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge, 2000. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008, С.120.
- ² Эти аспекты были проанализированы Дж. Леви в его работах: *Levi G.* Sviluppo urbano e flussi migratori nel Piemonte del 1600 // Les migrations dans les pays méditerranéens au XVIII-ème et au début du XIX-ème / Publications des Cahiers de la Méditerranée. Nizza, 1973. P. 26–52. См. также: *Levi G.* Sviluppo urbano e flussi migratori nel Piemonte del 1600 // Ricerche di Storia dell'Arte. 1978–79. № 9. P. 25–34.
- ³ Напомним следующие ее работы: *Donatella C.* Les Étrangers dans la ville% XV–XVI siècles. P., 1999; *Eadem* La città italiana e i luoghi degli stranieri. Minoranze e spazio urbano dal basso medioevo all'età moderna. Roma; Bari, 1998; *Eadem* Gli stranieri e la città. Casi di violenza nelle forme del costruito // Contemporanea. 1998. № 3 (luglio). P. 529538; *Eadem* Gli ebrei e la città // Storia di Venezia / A cura di G. Benzoni e G. Cozzi. Roma, 1997. T. VII: Venezia barocca. P. 273–300.
- ⁴ Cities and Cultural Exchanges / Ed. S.T. Christensen. Cambridge, 2007.
- ⁵ *Bellavitis A.* “Per cittadini metterete...”: La stratificazione della società veneziana cinquecentesca tra norma giuridica e riconoscimento sociale // Quaderni storici. 1995. № 89. P. 359–383. (Cittadinanze / A cura di S. Cerutti, R. Descimon, M. Prak); *Eadem* Alla ricerca delle cittadine // Innessi. Storia delle donne, storia di genere, storia sociale / A cura di G. Calvi. Roma, 2004. P. 3–20; *Eadem* Identité, mariage, mobilité sociale: Citoyennes et citoyens a Venise au XVIe siècle, École Française de Rome citoyens a Venise au XVIe siècle // Renaissance Studies. 2003. T. 17, № 3. P. 554–575.
- ⁶ *Zannini A.* The City, the State, the Foreigner: Renaissance Italian Cities and the Building of New Social Borders (14th to 17th Centuries // Meeting annuale della Renaissance Society of America. 4–6 aprile. San Diego, 2013; *Idem* Venezia Città aperta. Venezia, 2009.
- ⁷ *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty. L., 2012.
- ⁸ См., в частности, недавно опубликованную работу: *Cerutti S.* Étrangers. Étude d'une condition d'incertitude dans une société d'Ancien Régime. P., 2012.
- ⁹ *Sonkajarvi H.* Qu'est-ce qu'un étranger? Frontières et identifications à Strasbourg (1681–1789). Strasbourg, 2008. P. 7–37.
- ¹⁰ *Luzzatto G.* Storia economica di Venezia dall' XI al XVI secolo. Marsilio; Venezia, 1961. P. 50–52.
- ¹¹ Цит. по кн.: *Cozzi G., Knapton M.* Storia della Repubblica di Venezia: Dalla guerra di Chioggia alla riconquista della Terraferma. Torino, 1986. P. 148.
- ¹² О том же пишет Шекспир (*Венецианский купец*, III. 3): “Не может дож законы нарушать: / Ведь он, отняв у чужестранцев льготы, / В Венеции им данные, доверье / К законам государства подорвет; / А наши и торговля и доходы / В руках всех наций”. (Пер. Т. Щепкиной-Куперник).
- ¹³ *Chojnacki S.* Patrician Purity and the Female Person in Early Renaissance Venice // Atti del Convegno “Contaminazioni. Discorsi, pratiche e rappresentazioni: l'Alto Adriatico tra età medievale e contemporanea”. Capodistria. 23–25 maggio 2013 / A cura di C. Povo (в печати).
- ¹⁴ *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. L., 1966.
- ¹⁵ Существовала также возможность получить гражданство *de intus tantum*, которое давало право на занятия некоторыми ремеслами.

- ¹⁶ Lane F.C. Venice: a Maritime Republic. Baltimore, 1973. (см. особенно главы IX).
- ¹⁷ Mueller R. Immigrazione e cittadinanza nella Venezia medievale. Roma, 2010; "Veneti facti privilegio": les étrangers naturalisés à Venise entre XIVe et XVIe siècle // Les étrangers dans la ville: Minorités et espace urbain du bas Moyen Age à l'époque moderne. P., 1991. P. 171–181.
- ¹⁸ Л. Валенси по этому поводу отмечает, что мусульмане, в отличие от других групп, за границей редко организуются в общины. См.: Valensi L. Ces étrangers familiers: Musulmans en Europe XVIe–XVIIIe siècles. P., 2012. P. 14.
- ¹⁹ Braunstein Ph. Cannaregio, zone de transit? // Les étrangers dans la ville: Minorités et espace urbain... P. 159–169. См. также: Lanaro P. L'espace urbain dans la Terreferme vénitienne // Ibid. P. 209–231.
- ²⁰ Zannini A. Venezia Città aperta...
- ²¹ Molà L. La comunità dei lucchesi a Venezia: immigrazione e industria della seta nel tardo Medioevo. Venezia, 1994.
- ²² Trivellato F. Fondamenta dei vetrai: lavoro, tecnologia e mercato a Venezia tra Sei e Settecento. Roma, 2000.
- ²³ Mozzato A. The Production of Woolens in the 15th and 16th Centuries Venice // At the Centre of the Old World: Trade and Manufacturing in Venice and the Venetian Mainland (1400–1800) / A cura di P. Lanaro. Toronto, 2006.
- ²⁴ Aymard M. Strategie di cantiere // Storia di Venezia. Roma 1996. T. XII: Il mare / A cura di A. Tenenti, U. Tucci. P. 259–283.
- ²⁵ Lanaro P. Corporations et confréries: les étrangers et le marché du travail à Venise (XVe–XVIIIe siècles) // Histoire Urbaine. 2008. № 21. P. 31–48.
- ²⁶ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme XVe–XVIIIe siècle. P., 1979. Vol. III: Le temps du monde. P. 157; См. рус. пер.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2007. Т. 3: Время мира. С. 121
- ²⁷ Lanaro P. Corporations et confréries...
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Della Valentina M. I mestieri del pane // Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. (1991–1992). T. CL. P. 113–217.
- ³⁰ Davis R.C. Shipbuilders of the Venetian Arsenal. Baltimore, 1991. Недавно этот вопрос вновь стал предметом обсуждения. См.: Austry C. D'Athènes et de Venise: Des trajets étrangers au cœur de la cité // Actes du Colloque Université Mac Master & Université de Paris X. MIGRATIONS-TRANSLATIONS Frontières, obstacles, contraintes et passages. Le 15 Mars 2102 (в печати).
- ³¹ Berveglieri R. Inventori stranieri a Venezia, 1474–1788: importazione di tecnologia e circolazione di tecnici artigiani inventori: repertorio. Venezia, 1995.
- ³² Ibid. P. 133–142.
- ³³ Bovolato L. L'arte dei luganegheri a Venezia tra Seicento e Settecento. Venezia, 1998.
- ³⁴ Lanaro P. Corporations et confréries... P. 47.
- ³⁵ Zannini A. La costruzione della città turistica // Storia di Venezia. L'Ottocento 1797–1918/ A cura di S.J. Wolf. Roma, 2002. P. 1123–1149.
- ³⁶ Lanaro P. Intervista a Giovanni Levi // Microstoria. A venticinque anni da "L'eredità immateriale" / A cura di P. Lanaro. Milano, 2011. P. 169–177. См. также: Ланаро П. Интервью с Джованни Леви // Одиссей: Человек в истории. 2013. М., 2014. С. 405–415.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S. ....</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES? .....

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS .....

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE .....

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION .....

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE .....

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY .....

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN) .....

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*) .....

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS .....

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD? .....

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES) .....

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED .....

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
‘CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?’**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION .....

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES .....

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

“THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE”, OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS’ GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES .....

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS’ BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE ‘OTHER’

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS .....

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S. ....

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH .....

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....